

**Андрей
Ярославович**

**Эрика
знает,
о чём ты
думаешь,
Фидель**

**Пантомима слова
Десять рассказов**

**Андрей Ярославович
Эрика знает, о чем ты
думаешь, Фидель. Пантомима
слова. Десять рассказов**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43682093

ISBN 9785005029911

Аннотация

Реальность – магическая, магия – реальна, а правда – это то, во что человек искренне верит. Надеюсь, читатель если не убедится в этом, то, по крайней мере, задумается о чем-то своем сокровенном, прочитав десять рассказов, написанных в Галиции и Нижней Силезии в 2012—2019 годах.

Содержание

Эрика знает, о чем ты думаешь, Фидель	5
Цветные сны	14
Алло, господин Президент	41
Весна	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Эрика знает, о чем
ты думаешь, Фидель
Пантомима слова.
Десять рассказов**

Андрей Ярославович

© Андрей Ярославович, 2019

ISBN 978-5-0050-2991-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эрика знает, о чем ты думаешь, Фидель

*«Я никогда не докучаю людям —
разве только тем, кого знаю,
по меньшей мере, тысячу лет».*
Джером Сэлинджер. Девять рассказов

Здравствуй, Фидель!¹

Думаю, ты не обиделся, что я сделал это письмо открытым для мира. Таким образом, неизбежный соблазн приукрасить или исказить наши с тобой отношения будет не так дерзок.

Кроме того, я сознательно облакаю свое письмо в одежды литературного рассказа, – пусть скептики спят спокойно, убаюканные художественным вымыслом, в котором настоящим является лишь твой портрет, выполненный маслом на дереве мужем моей дочери.

Или – не только портрет.

* * *

Не знаю, что напишет завтра «Нью-Йорк Таймс» и напишет ли что-нибудь вообще о том, что я вкратце тебе сейчас

---

¹ Тому, кто не знает – кто такой Фидель Алехандро Кастро Рус (1926—2016), лучше отложить эту книгу до лучших времен.

расскажу. И будет, как будет, больше никак.

Я не поверил тем двум крепким парням, говорившими недавно со мной о тебе, будто они работают корреспондентами известной во всем мире газеты.

Заокеанские гости по телефону попросили о встрече со мной. И встреча состоялась три недели назад в одном из кафе Большого города в сопровождении еще одного молодого человека, который представился сотрудником Службы безопасности и одновременно переводчиком.

Интервью касалось тебя и твоего портрета, Фидель, написанного Виктором, мужем моей дочери, и подаренного тебе на день рождения год назад. Мы все очень рады, что тебе понравился портрет.

Говорили также об иске, о защите авторских прав на фотографию с твоим изображением.

Иск подал в Высокий суд Лондона один английский фотограф, ты знаешь об этом. Он нанял какую-то тамошнюю солидную адвокатскую контору, за триста лет не проигрывавшую ни одного дела, и требует с нас с Виктором сотни тысяч фунтов стерлингов за пиратское, как он говорит, использование его фотографии, на которой ты запечатлен, для написания твоего портрета. Об этом деле уже почти год с небольшими перерывами на сиесту пишут все мировые газеты, даже те, которые уже давно закрылись. Но, мы это переживем. Не страшно уже.

– Кому, когда и каким образом пришла в голову идея написать, а затем подарить портрет кубинскому лидеру Фиделю Кастро в день его рождения? – после взаимных реплик вежливости спросил меня один из американцев.

Я ответил прямо:

– Это было моей давней мечтой.

– Мечтой? – кривая улыбка замерла на лице украинского агента. – Довольно таки странные у вас мечты.

– Мечты – разные, как люди. И слава богу, нет еще монополии на мечты. Я же хотел лично поблагодарить Фиделя Кастро за то, что он, его страна уже несколько десятков лет лечат детей моего края – невинных жертв Чернобыльской термоядерной катастрофы. Тихо лечат и не трубят на весь мир о благотворительности Кубы.

– Но речь идет о лидере государства, и такого рода действия – это, скорее всего, сфера межгосударственных отношений, работа правительств и ответственных чиновников, – присоединился к разговору второй американец.

Как не хотелось мне говорить о политике, но я все же выдал из себя несколько предложений:

– Со дня провозглашения независимости – согласитесь, не завоеванной путем революции или восстания народа (что имело место на Кубе), а подаренной, не в последнюю очередь самими американцами – все без исключения правитель-

ства молодой нашей страны занимаются только бизнесом. Частным бизнесом, господа. Насколько этот бизнес честный, вы знаете лучше меня, в американских тюрьмах легко можно встретить не одного украинского премьера или политика. Одним словом: власть – одиозна, и она как собака, которая берет с разных рук пищу, а потом норовит укунить те же руки. Власти не до благодарностей или других сантиментов, государственная служба у нас, не буду говорить о других странах, – это обыкновенный бизнес, товар – суверенитет оптом и в розницу.

Переводя мои слова, агент Службы безопасности не сумел скрыть ехидства на своем лице.

– Не обижайтесь, господа, – продолжил я спокойно. – Увы. Это все так.

Почувствовав опасное ответвление разговора, второй из американцев вернул его в первоначальное русло необычным вопросом:

– И при каких обстоятельствах Фидель Кастро Рус позировал вам для написания своего портрета? Он приезжал к Виктору или ваш Виктор приезжал на Кубу?

– Интересная шутка, господа журналисты. Позировала фотография старого кубинца, которую мы с Виктором свободно отыскивали в Интернете. Фотоснимок не сопровождался никакими предупреждениями или запретами на использование. Тем более, само использование было некоммерческим. С него и был написан портрет в нашей скромной квартире.

– Все понятно.... Что вы еще можете нам сообщить? – спросил меня первый американец, снял черные очки и попытался просверлить меня своими глазами.

Трудно было не отвести взгляд. Он уперся в кость.

– Даже не знаю, что еще вам сказать, господа, кроме того, что я убежден: нельзя приватизировать, запатентовать выражение лица, эмоции, позу любого человека, даже президента вашей страны. Как бы фотограф и его адвокаты не пытались доказать обратное.

– Хорошо. Спасибо, – белозубая голливудская улыбка не могла скрыть разочарование на лицах американцев. – До свидания. Да, еще одно. Теперь вам уже нечего бояться судебного иска. Хотя, если честно сказать, подаренный вами Фиделю Кастро портрет уж слишком похож на фотографический снимок, сделанный несколько лет назад лондонским фотографом.

Не дождавшись моей ответной реакции, интервьюеры сухо откланялись. Почему не нужно бояться денежных притязаний фотографа, я тогда так и не понял. А спросить? Не смог. Хорошее, безусловно, известие отняло у меня речь и прижало к стулу.

* * *

Вечером того же дня у дочки начались предродовые схватки. Ко мне вернулась речь. А это «еще одно», прозвучавшее

на встрече с американцами, осталось без правдоподобного объяснения еще целую неделю, в течение которой вся моя семья переживала рождения новой Вселенной – крошечной девочки.

Когда новая Вселенная родилась, а большое семейство собралась за праздничным столом, гости наперебой стали рассказывать об удивительно одинаковых событиях, синхронно произошедших с ними накануне.

Оказалось, что незадолго до крестин каждого моего родственника, родственника мужа моей дочери дома или на работе – навестили агенты Службы безопасности. Демонстрируя твои фотографии, Фидель, и не называя твоего имени, агенты спецслужбы спрашивали, присутствовал ли такой человек на свадьбе моей дочери почти два года назад.

И произошло чудо, Фидель. Настоящее. Половина моей семьи и семьи сватов уверенно подтвердила приемникам советского КГБ, что похожий на Фиделя Кастро человек действительно был на свадьбе, несмотря на то, что он тем же самым чудом не попал ни на одну свадебную фотографию. Спина. Седые волосы. Пиджак. Бокал. Это все, что увидели агенты безопасности в свадебных альбомах.

Дивный гость сидел вместе со всеми за одним длинным столом, пил вино, танцевал и делал все остальное, что люди обычно делают на свадьбе, которая в нашем случае лихо гуляла всю ночь в небольшом кафе крохотного, чудом уцелевшего на карте мира, прикарпатского городка. Правда, кем

в действительности был этот человек, никто сказать не мог. Люди стеснялись спрашивать об этом у пожилого человека или друг друга; гости со стороны жениха полагали, что это какой-то дальний родственник невесты, и наоборот – семья невесты была уверена, что дед приехал с женихом.

Спор о том, был ли среди свадебных гостей старый бородач, похожий на Фиделя Кастро, продолжился и на крестинах, на которых было выпито вина и водки не меньше, чем на свадьбе.

Не удивляйся, Фидель, ты же знаешь, что мировые средства массовой информации или пропаганды на протяжении многих десятилетий сделали твое лицо, в отличие от твоих идей, узнаваемыми в любом уголке планеты, даже в нашем забытом Богом городишке.

После крестин я, наконец, добрался до Интернета и без труда нашел необходимую информацию, приятно шокировавшую меня и Виктора. А несколько российских информационных сайтов с нескрываемым удовольствием смаковали очевидный прокол в работе западных спецслужб, комментируя твое недавнее интервью испанской газете «El Mundo». Тогда я понял, откуда в кафе Большого старого города взялись последние слова американца о конце страха и прекращении дела.

Ты открыто сказал миру, что по примеру английской королевы, которая время от времени милостиво принимает приглашения простых людей и посещает их семейные тор-

жества, ты, Фидель, почти два года назад любезно откликнулся на мое приглашение побывать на свадьбе моей дочери. Ты сказал, что дважды пересек Атлантику и инкогнито посетил мою страну. Пограничники и таможенники разных стран свободно пропускали тебя через границы, лишь с удивлением приговаривая, как похож этот старик на Фиделя Кастро, и продолжали свою работу. Никто не мог себе даже представить, что в бесконечном потоке обычных пассажиров появится настоящий Фидель Кастро. Ты рассказал также, что в один из моментов свадьбы муж моей дочери Виктор, художник, с твоего разрешения сделал карандашный набросок твоего портрета. Вот и все, иску – конец.

Несколько твоих слов, Фидель, хватило, чтобы сделать бесперспективным иск, несомненно, талантливого, фотографа, а лондонская адвокатская контора – впервые за свою многовековую историю проиграла дело, едва начав его.

Спасибо тебе, Фидель.

Пусть услышит твои желания тот, кто знает их, раньше тебя.

Еще хочу тебе сказать, как мы назвали твой портрет. «Руки Конфуция на лице Фиделя».

Глядя на таинственный китайский иероглиф, сложенный твоими руками на задумчивом лице, назвать картину как-то иначе – было невозможно.

Надеюсь, наш портрет поможет тебе счастливо пережить 639-тое, но самое коварное и опасное покушение, имя кото-

рому – гламур.

Про то, как тебе удалось незаметно для спецслужб всех стран осуществить перемещение в пространстве и времени, – никто и никогда не узнает. Но о том, что ты думаешь, Фидель, сложив руки на своем задумчивом лице, наверняка знает моя внучка, которую в минувшее воскресенье окрестили именем Эрика.

* * *

P. S. О чем ты думаешь, Фидель?

О форме сложенных тобой пальцев на портрете весьма серьезно заинтересовались жители Поднебесной. После телефонного звонка из посольства Китайской народной республики с просьбой рассказать об обстоятельствах написания и названия твоего портрета у меня сложилось впечатление, что китайский язык вскоре обогатится еще одним иероглифом – «То, о чем думает Фидель».

* * *

Цветные сны

*«Глядя во тьму, видимую и слепому»
Уильям Шекспир*

Городским тротуаром куда-то весело бежали две черных собачонки: мать – гордо впереди, с высоко поднятой мордочкой и закрученным в баранку хвостиком, за нею щенок – лохматый комочек – то катится, то подпрыгивает. Совсем рядом мчались автомобили, торопились люди, ветер играл желтыми листьями. И в суматохе буднего дня никто не обращал внимания на двух самых счастливых на земле существ, вокруг которых вращались и которым завидовали все небесные светила. Сегодня ночью им приснился сон, один на двоих.

Это был цветной сон.

* * *

Съемочная группа ВВС тайно проникла в страну. Двое журналистов – на автомобиле пересекли западную границу, еще двое, оператор и переводчик – прилетели самолетом в столицу, а оттуда поездом добрались в Большой город, где группа объединилась и под видом обыкновенных туристов поселилась в одной неприметной гостинице.

Чтобы не привлекать к себе внимания местных властей, представители британской телерадиокомпании не взяли с собой видеокамеру и другое оборудование, а приобрели все необходимое для съемки в Большом городе. Малейшая утечка информации поставила бы выполнение миссии ВВС под большой знак вопроса и лишила бы моего старого приятеля Хорхе немалого заработка.

– Они обещали, что хорошо заплатят. Уже дали немалый задаток.

– Молодец.

– Ты же знаешь, что я второй год сижу без работы. Я не мог отказаться. Никак. И какое там «отказаться»? Я благодарен богу. За эти деньги я смогу прожить целый год, если не больше, – таинственно шептал Хорхе, с которым мы встретились в одном крохотном кафе в центральной части Большого города.

– Почему именно к тебе обратились англичане? И как они нашли тебя? – спросил я Хорхе, который в спешке проглотил вступление к своей тайне.

– Это все моя дочь. Она убирает здесь рядом в каком-то туристическом агентстве. Забыл его название. Вот и случайно услышала разговор своего шефа с этими англичанами. А дочь моя знает английский. Иностранцы искали гида для путешествия по окрестным лесам. Откуда здесь в Большом городе могут быть такие проводники? Англичане ни с чем вышли на улицу, где их догнала моя дочь и сказала, что я

могу им помочь.

– Твой кофе стынет. И говори громче. Ты шепчешь, а люди вокруг невольно начинают прислушиваться.

Хорхе откашлялся, впопыхах отпил глоток горького напитка и продолжил немного громче:

– А я могу им помочь и не верю, что это настолько опасное для жизни место. Бросил сахар, а кофе какой-то несладкий.

– Возьми мой. Я пью без сахара.

– Спасибо. Так вот. Я проработал в этих лесах почти тридцать лет. С закрытыми глазами сам пройду и любого проведу, куда угодно. Одним словом, я вчера встречался с господами журналистами. Прямо здесь, в этом кафе. Так вот, они хотят тайно посетить закрытый город.

* * *

В этом месте я должен сделать паузу в разговоре с Хорхе и объяснить читателю, о каком городе идет речь. Самому мне не довелось побывать в нем, хотя до него от Большого города каких-то сорок-пятьдесят километров. Знаю о нем лишь то, что говорят другие и хотят рассказать по телевизору. Итак, власть закрыла город более десяти лет назад после того, как в один день его покинули все обитатели. Город вырос пятьдесят лет назад во времена почившей ныне империи рядом с карьером серы и комбинатом, где ее выплавляли. В годы расцвета население юного города составляли

около тридцати тысяч жителей, были пять школ, два колледжа, крытый бассейн, две церкви. Это был красивый современный город с высокими многоэтажными домами, широкими улицами, памятниками, парками, здесь рождались, жили, любили, умирали и снова рождались люди, как и везде. Город моментально обветшал, обмелел до нескольких тысяч человек и пришел в упадок, когда рядом закончились запасы серной руды, но люди продолжали жить там, где были закопаны их пуповины.

Оно бы и дальше так было, и власть вспоминала бы о городе один раз в пять лет во время парламентских выборов пустыми обещаниями вечных сенаторов дать простым людям работу и счастье, если бы жители неожиданно не напомнили о себе властям необычным образом.

Люди ушли из города. Навсегда.

А когда по улицам покинутого города начали свободно прогуливаться волки, нападать на соседние поселения, выть по ночам, так что не мог уснуть Большой город, власть вынуждена была дать миру правдоподобное объяснение, почему в конце XX века в самом центре Европы люди оставили современное Мачу-Пикчу. Потом было множество всяких правительственных комиссий и программ, неудачных попыток вернуть в город старых и заселить его новыми жителями. Туда согнали даже бродяг со всей округи, отстреляли волков и другую дичь, которая не смогла спрятаться. Все бесполезно. Люди убегали из города, как вода в песок.

Чтобы скрыть свой позор, невозможность выяснить и объяснить всему миру появление города-призрака, правительство страны лишь в общих словах объявило, что в заброшенном городе произошла техногенная авария, для изучения причин и пагубных факторов которой и ради безопасности жителей последние были отселены в безопасные места.

Вместе со временами года менялись в государстве правительства, но каждое из них любезно отказывалось от помощи больших и малых государств и повторяет уже более десяти лет кряду одну и ту же потрепанную мантру:

– Еще немного. Все под контролем. Через месяц-два наши ученые завершат свою работу. Мы находимся за полшага до получения конкретных результатов. Наша наука достаточно мощная, чтобы собственными силами решить и закрыть все проблемы.

Проблемы были решены привычным закрыванием глаз на проблему. Кроме собственных очей правительство плотно закрыло и посторонние глаза.

Город был объявлен закрытым.

Все подходы и въезды в город преградили полицейские посты и наряды, шлагбаумы и таблички с одинаковой надписью: «Вход запрещен. Опасно для жизни». Только что, минных полей нет. Закрытая зона.

* * *

– Один из этих ребят побывал в закрытом городе, – вернул меня к разговору Хорхе. – После чего он прошел у себя в Великобритании тщательное медицинское обследование, которое не обнаружило абсолютно ничего, что угрожало бы его жизни или здоровью. Он заявил, пока тихо, что не верит нашему правительству, будто бы в городе произошла техногенная авария или другая подобная катастрофа. Причина скрывается в чем-то другом, и это другое вернуло англичанина вместе с коллегами в нашу страну.

– Как же ему удалось попасть в закрытый город? – спросил я.

Хорхе продолжил свой рассказ так увлеченно, будто все это произошло с ним самим, а не с парнем из Туманного Альбиона:

– Тот парень, Стив – вспомнил, как его зовут – год назад возвращался автобусом с футбольного матча из столицы в Большой город. Чемпионат. Англия победила. Наши, калеки, проиграли.

– Помню. Калеки, – я согласился, и Хорхе пошел дальше. Одним словом много пива, разбавленного водкой, выпила компания английских болельщиков вместе со Стивом. Стив работал корреспондентом на матче. Он вышел из автобуса на автотрассе где-то недалеко от Большого города справить нужду. Отошел от дороги наш Стив на несколько шагов и, пьяный как ночь, потерялся в ночи. Говорит, не знал в тот момент, где находится, и что с ним происходит, он пел, и ему

сильно было весело. Болельщикам в автобусе тоже было весело, и через мгновение они уже забыли, зачем остановились посреди дороги и с громкой победной песней уехали, оставив одного Стива посреди ночи и дороги. Так он, распевая гимн лондонского «Челси», промаршировал добрый десяток километров от центральной трассы по примыкающей дороге и под утро увидел закрытый город. Не знаю, как англичанин прошел через полицейский пост. Скорее всего, охранники спали в своей будке без задних ног после телевизионного просмотра футбольного матча, и обильного вливания спиртного.

Дальше, говорил Стив, в его памяти наступил полный провал. Очнулся он под вечер. Потерял себя и нашел себя в кровати на голом полосатом матрасе на втором этаже пустого отеля. На входе в здание была табличка с надписью на нашем языке и английском, что это – отель. Все двери – настежь, вокруг – ни души. Погром. Стив вышел из гостиницы и оказался на широкой площади, окруженной со всех сторон настоящим лесом, сквозь который просматривались крыши многоэтажных домов. Людей нигде не было. Повсюду буйствовала зелень, пробившая камни улиц. Несколько больших деревьев росли даже на крышах домов. Висячие сады Семи... Семи... Не могу повторить это слово ....

– Семирамиды.

– Да, именно так. Висячие сады Семирамиды². Что это

---

² Висячие сады Семирамиды – одно из семи чудес света. Согласно легенде ва-

за Семирамида? Не знаю, но слушай дальше. Вещи Стива уехали автобусом в Большой город, а сам Стив с пустыми карманами и желудком оказался в безлюдных джунглях. Он несколько раз пытался проснуться, думая, что это сон, щипал себя за щеки, ударялся головой о стену этого отеля. Но то был совсем не сон. Это была новая неведомая реальность для заблудившегося англичанина.

Несмотря на необычный рассказ Хорхе, я вынужден был его поторопить:

– Все это очень интересно, Хорхе. Я искренен. Но говори, пожалуйста, какая помощь нужна от меня. А о приключениях англичанина я тебя обязательно и более детально сам спрошу как-то в другой раз.

– Уже заканчиваю. Стив набрел на полицейский пост, там на него надели наручники и отвезли в Большой город. Установив личность журналиста, его сразу отпустили.

– Стоп, Хорхе. Что ты хочешь от меня?

– Все. Стоп. Поехали завтра с нами. Англичане тебе тоже хорошенько заплатят, они все богачи там на своем большом острове. Я сказал им, что буду с помощником. Самому мне с иностранцами в закрытом городе будет как-то страшновато. Не дай бог, что случится с ними, и кто знает, как встретит нас город. Они хотят еще переночевать в нем хотя бы одну ночь, – заискивающе сказал Хорхе с такими глазами, будто

вилонский царь Навуходоносор создал висячие сады для своей возлюбленной Амитис.

он только что занял их у моей собаки. С такими глазами моя собака всегда просит кушать.

Мне не всегда удавалось устоять и отказать таким глазам, и я улыбнулся:

– Куда и когда я должен прийти?

– Завтра утром в восемь часов встречаемся все вместе здесь в кафе. Ты оденься, как следует для похода в лес. О еде, питье не беспокойся, англичане все необходимое возьмут с собой, – радостно ответил Хорхе и едва не завилял хвостом. – Я знал, что ты не откажешь. Ты настоящий.

Мне захотелось погладить его за ушками.

* * *

Едва родившееся утро плескалось в молоке тумана.

– Четыре кофе с молоком и два – без молока, – предварительно узнав о предпочтениях гостей Большого города, на правах принимающей стороны я заказал всем кофе.

Познакомились коротко и много не говорили. Английским языком мы с Хорхе не владели, как и англичане нашим, поэтому все внимательно смотрели на переводчика. Уже знакомый нам Стив, еще журналист Томас, Генри – оператор, Кевин – переводчик. Говорил переводчик медленно, с акцентом, но четко и понятно. Все гости почти нашего с Хорхе возраста. Открытые приветливые лица, обычные ребята, их не выделишь в толпе, люди с улицы, случайно встретились

в кафе.

Я кивком позвал официанта.

Удобно расселись в маленьком микроавтобусе, Томас – за рулем.

– Ты – штурман сегодня, Хорхе, – я похлопал земляка по спине. Кевин перевел, мы все вместе улыбнулись, и побежала дорога.

* * *

Ехали новой автострадой, построенной два года назад специально к футбольному чемпионату. Затем свернули на боковую дорогу, и попали в совершенно иные время и пространство, в другой мир.

Старая имперская дорога, израненная ямами, еще жила. Еще живы были деревеньки на нашем пути, сонные и неумытые туманом утренней дойки. Через открытое окошко в салон автомобиля влетел запах навоза, за ним – веселое петушиное кукареканье, ленивый лай собак и зевота редких крестьян на своих бедовых подворьях. Дыхание зелени было настолько мощным, что звенело в голове. Скажу за всех нас, что путешествие уже себя оправдало одними лишь импрессионистскими картинками утренней деревни, а нас, судя по рассказу Стива, впереди ждал абсолютный сюрреализм. Или авангард завтрашнего дня. Не знаю точно.

Въехали в темно-зеленое облако леса. Высокие деревья

руками верхушек упирались в небо, рядом детишками подрастали молодые деревца. Сразу же потемнело в глазах. Крестьянские повозки исчертили узкую грунтовую дорогу длинными линиями судьбы, жизни и любви. Готические арки венок закрывали небо. Наши легкие не могли надыхаться чистым первозданным воздухом. Англичане хлопали глазами перед пейзажами неведомой планеты.

Хорхе был здесь своим. Это был его дом, настоящий, а себя он чувствовал «старым волком».

– Бывших лесников не бывает, – постоянно говорил Хорхе и в тот день он безошибочно находил дорогу, которая часто терялась и беспомощно упиралась в стену леса.

Отклонив всего лишь одну-две ветки, Хорхе легко находил незаметные калитки в стене зелени и приглашал нас дальше и дальше в места, очень давно нетронутые людьми. Нас не удивило бы появление здесь даже гигантских ящериц или иных доисторических созданий. Несколько раз мы вместе выходили из автомобиля и оттягивали в сторону с нашего пути природные шлагбаумы, сложенные из пораженных молнией или старостью деревьев. Птицы то ссорились с нами, то пели для нас свои райские песни.

Более двух часов мы покоряли райский лес, пока не выехали на небольшую открытую местность. Внизу расплодился в стороны старый песчаный карьер, чуть дальше за ним – снова лес, а в нем притаился наш город. Город потопал в зелени, из которой торчали более десятка плоских крыш мно-

гоэтажных домов и два круглых церковных купола. В предобеденном солнце блестели кресты древней цивилизации. Древней, ибо ничто не говорило о том, что этой древней цивилизации исполнилось всего лишь несколько десятков лет.

Через полчаса мы въехали в город сквозь неохраямую полицией зеленую арку.

– Триумфальная арка, – сказал кто-то из англичан.

Когда-то широкая, асфальтированная дорога сморщилась до половины, с двух сторон ее больно сжимали травы и кусты. Завороженный встречей с незнакомым городом, я не заметил, как Генри включил кинокамеру, а Стив начал свой репортаж. Теперь уже мы с Хорхе, молча, мигали глазами. Снималось кино. Мы заранее договорились, что англичане не покажут в кадре наши имена и лица. На всякий случай, неизвестно на чей любимый мозоль наступит фильм BBC после его показа на экране.

Город стыдливо прятался в зелени. Его счастливое детство, минуя молодость и зрелость, благодаря какой-то роковой тайне, мгновенно превратилось в дремучую старость. Пустое пространство. Куда-то исчезло солнце, хотя в небе не было туч. Ни одной живой души. Легкий ветер. Через два квартала черных печальных окон дорога привела нас на центральную площадь города, наполовину поглощенную травмами. Я невольно обвел взглядом весь периметр площади.

«В таком месте обязательно должны лежать мертвецы. Могильные травы», – неприятная мысль прилипла к моему

сознанию. Мы как будто прибыли на место массовой казни. Внезапное карканье вороны чуть не вырвало наши сердца.

– Hotel, – сказал Стив, и мы все разом посмотрели в сторону, показанную пальцем недавно побывавшего в городе человека.

Остановились возле гостиницы, осторожно вышли из автомобиля. Тихо дышали.

Те же черные впадины окон, пустые глазницы. Покосившиеся двери. Могучее дерево пробило толстыми ветками один глаз-окно на третьем этаже и вором пролезло внутрь гостиницы. Зданию не было больно, оно было мертво. Было больно и жутко смотреть на эту разрытую могилу под открытым небом. На крышах домов, обложивших площадь, действительно росли довольно высокие березки и тополя.

«Висячие сады Семирамиды, – вспомнились мне слова Стива. – Кто та любимая, ради которой неизвестный царь повесил дикие сады в этом городе?»

– Нам следует заниматься своей работой, и она отвлечет нас от первых жутковатых ощущений, – сказал Томас, и мы поспешили разгружать автомобиль.

Стив провел нас в «свою» комнату на втором этаже, мы решили все вместе обустроиться в одном помещении. Электричества не было. Мобильная телефонная связь не работала. Разлили и выпили бутылку виски. Перекусили привезенными с собой бутербродами.

Июльская ночь наступит еще не скоро, поэтому решили

посетить промышленную зону, близко прикрепленную к городу. Имея фотографию, сделанную со спутника и руководство Хорхе, Томас легко доехал до поломанных ворот горно-химического комбината. Кто из вас видел фильмы о последней официальной мировой войне, разрушенные бомбами Сталинград или Дрезден, тот может легко представить себе то, что открылось перед нами. Наяву.

– Экология в пределах нормы, – сказал Кевин, повозившись некоторое время с какими-то приборами. – Никаких отклонений. Почти идеальные показатели.

Оператор Генри провел небольшую съемку, Стив и Томас говорили что-то в камеру, показывая вокруг руками. Мы с Хорхе стояли недалеко и с любопытством рассматривали места, рядом с которыми прожили всю свою жизнь, и рядом с которыми совсем недавно бушевал карнавал футбольного чемпионата. В отличие от меня Хорхе не раз бывал в этом городе, когда в нем кипела жизнь. Но такой пустоты не мог себе представить даже он. Жизнь выкипела вся из этого забытого богом чайника.

– Вон оно, как бывает, – не переставал жаловаться Хорхе. – Кара божья, и все. Но за что?

«Хорошо спрятанный правительством скелет в потайном государственном шкафу», – подумал я.

Вокруг был лес. Боясь заблудиться среди деревьев, солнце садилось незаметно и быстро. Время ужина. Нужно было готовиться к ночи. Возможно, она откроет нам тайну города.

Мы вернулись в отель.

Город засыпал при выключенном свете. Комнату отеля как-то неловко освещал свет электрического фонаря. Мы поужинали. Как не пытался каждый из нас казаться спокойным и безразличным к окружающему городу, все были страшно напряжены. Наши тени ожили на стенах комнаты с приходом полной темноты за окном. Ни одной живой души вокруг, кроме равнодушного ежа, перешедшего нам дорогу на въезде в город. Птицы слабо тешили слух, да и они очень скоро улеглись спать.

Что-то невыразимое давило на мозг. Ни одного звука не выдавила из себя ночь. За людьми, понятно, из города ушел обоз кошек, собак, мышей и крыс. В окружающем нас мире было пусто. Казалось, его покинула даже тишина. Это был полный вакуум жизни, в котором зависло биение наших сердец, и хрустел табак в дымящих сигаретах.

Мы ждали волчьего воя. Но то была не их ночь.

После полуночи решили проехать по ночному городу. О страхе не думали, хотя он с сумасшедшей скоростью мчался по нашим жилам, едва не разрывая их клочья. Никакой разгадки опустения мира. Ни одной зацепки, ни одной ниточки. За два с лишним часа мы объехали почти весь город. Ночь не пускала нас дальше света фар. Луна спряталась. Ничего необычного, кроме самого необычного – пустого города.

Конец ночи доспали в спальнях мешках в комнате отеля.

* * *

Встали намного живее, чем ложились. Страх пропал, кровь успокоилась. Решили возвращаться.

– На нет, и суда нет, – бодрился Хорхе. Кевин перевел, и англичане, привыкшие уважать правосудие, согласились.

Позавтракали бутербродами. О виски читатель, видимо, сам догадался. Отсняли на площади еще один сюжет, уделив особое внимание показаниям измерительных приборов, и начали потихоньку готовиться к отъезду.

– Не обижайтесь, ребята, – обратился к нам с Хорхе Стив длинной тирадой. – Но вы сами теперь видите, что ваша страна обманывает остальной мир. Никакой техногенной аварии в этом городе не было, по крайней мере, никаких видимых следов этого мы не обнаружили. Научные исследования никто не проводит. Никто ничего здесь не делает. Наше правительство должно спросить ваше правительство, что на самом деле скрывается за паническим бегством нескольких тысяч людей из города. Что это за «красные кхмеры» появились в современной Европе? И если ваша страна этого не знает или не способна выяснить, в ситуацию должно вмешаться международное сообщество. Определив причины опустения этого города, можно будет предотвратить подобные явления в других странах. Мы не имеем права молчать, а вашему правительству пора вынуть очень дурно пах-

нущий скелет из шкафа.

Я молчал. Стив, будто подслушал мои недавние мысли о скелете. Хорхе выдавил из себя привычный ропот, объединив в нем разные философские концепции, а также и бога, и черта:

– Это кара божья, и все. Его дела. Не думаю, что это разное опустение города. А может и заразное, черт его знает.

Кевин удивленно и внимательно выслушал спич Хорхе, но не решился перевести для всеобщего сведения.

– А что это за творение божье! – я невольно вскрикнул.

Вся группа моментально прилипла глазами к человеку. Да. Это был человек. Он медленно пробирался к нам сквозь густые кусты. Расстояние уменьшалось. А разрастающаяся улыбка на лице незнакомца немного нас всех успокоила.

– Здравствуйте, господа, – тихим загробным голосом поздоровался чудом появившийся перед нами немолодой мужчина.

– Здравствуйте, – звонко крикнул Кевин и сразу же накинулся на незнакомца с вопросами, стараясь все быстрее узнать, чтобы единственный уцелевший житель города, не дай бог, не исчез также внезапно, как и появился, чтобы не растворился в воздухе как призрак. – Как вас зовут, мистер? Вы здесь живете? А куда подевались все люди?

– Как меня зовут? – начал, было, незнакомец, сделал паузу и посмотрел в стороны, ища место, где бы присесть.

«Кто это может быть? Робинзон Крузо. Что-то вертится в голове. Неужели это он?» – неприятная догадка прошла мой мозг длинной иглой, но в тот момент я не смог прочно ухватиться за нее.

Стив бросился к автомобилю, принес какое-то покрытие, набросил его поверх грязной скамейки и предложил незнакомцу присесть. Тот присел с краю. Поблагодарил. Мы обступили уцелевшего жителя, готовясь услышать что-то интересное и необычное.

Костюм – скомканный, воротник белой рубашки – грязнее лавки, тяжелые ботинки. Без шапки. Небритый. С растрепанными жидкими, полностью седыми волосами. Мужчина в возрасте, лет шестьдесят, худощавый, выше среднего роста. Бледное лицо, как шумерская таблица, вспахано глубокими клиньями морщин.

Незнакомый человек дал нам время себя осмотреть, после чего коротко ответил на вопросы Кевина:

– Зовут меня: Николай. Я здесь живу. А все жители ушли из города, кто куда. Кто – вернулся в села, откуда пришел, кто – отправился в Большой Город или подался за кордон.

– Но, почему люди покинули город? – Кевин с нетерпением дослушал ответ и задал основной вопрос нашего путешествия.

– Потому что в этом городе люди не могут спать, – ответ Николая потряс нас своей простотой и необычностью, тем более после нашего ничем не потревоженного сна.

– Как не могут спать? Мы же проспали ночь в этом городе как младенцы после купания. Как это, уважаемый Николай? – это уже Хорхе не удержался от участия в разговоре. Генри к тому времени давно как включил видеокамеру, а Кевин – перевод.

– Вы все правильно сказали. Спать в этом городе могут только младенцы, пока они младенцы и не знают, что здесь произошло. Вы этого тоже не знали, вот и проспали спокойно ночь в своих снах, – не меняя беззаботной интонации, ответил Николай и вытащил из кармана пиджака кусок какой-то веревки, за ней мятую сигаретную коробку и коробок спичек. Мы отказались от предложенных сигарет. Николай медленно прикурил одну сигарету, дешевую, без фильтра.

Кевин едва дождался момента, чтобы перевести следующие, несколько провокационные слова Стива:

– И вы, мистер, тоже не знаете, что здесь произошло в городе, раз уж живете в нем.

– Я? Нет. Я – знаю.

– Интересно послушать, если это не государственная тайна, конечно.

– Слушайте, ради бога. И нет здесь государственной тайны, потому что здесь нет государства, оно ушло вместе с людьми.

«Неплохое начало», – подумал я.

А незнакомец продолжил:

– Когда-то, не помню, сколько лет назад, недалеко от-

сюда, – Николай повернулся в сторону и показал рукой в направлении многоэтажных домов, – автомобиль раздавил двух небольших собак. Мать со щенком. Их окровавленные тела с вывернутыми наружу внутренностями целую неделю лежали посреди дороги. Целую неделю они в муках умирали, скулили, стонали и плакали, плакали и стонали, как люди. Настоящие. Окровавленных слез было столько, что они текли улицей так, что ее невозможно было перейти. Люди равнодушно обходили, объезжали это место целую неделю, пока собаки не стихли. Их потом отодвинули лопатой на обочину. Хорошо спалось людям ту неделю, они закрывали окна, включали громче свои телевизоры и магнитолы. Со всего неба над городом слетелись все ангелы и скорбно махали крыльями, а город спал и веселился, веселился и спал рядом с медленной мучительной смертью самого верного друга человека.

– Невероятно! – вскрикнул Хорхе, задрал голову в небо.

– Может быть и невероятно, – согласился незнакомец и, не торопясь, покуривая, продолжил. – Умолкли под конец недели бедолаги. Но буквально на следующую ночь замученные собаки вдруг вновь заскулили, застонали и заплакали от нестерпимой боли уже во снах всех жителей города. Муки несчастных собак вернулись в сны бездушных людей. Стоны, скуление и плач будили горожан, как только сон касался их век и подушек. Всем снился один и тот же сон, один на всех: люди во сне стояли и смотрели, как умирали собаки.

Это не явь, где можно закрыть глаза, уши и сердце. Во сне не спасали закрытые окна, телевизоры и магнитолы, музыка и алкоголь.

Перестал спать весь город.

Обессилив от бессонницы, люди буквально падали на ходу – дома, на улицах, на работе. Невыносимое скуление замученных собак не давало им спать, отнимало сон. Сорок человек скончались. Приезжала комиссия Министерства здравоохранения и захоронения, но уже на следующий день надменные столичные чиновники, поджав хвосты, в ужасе бежали из города. Спали только маленькие дети, но и они теряли сон, как только кто-то им рассказывал о бессоннице взрослых.

Целый год мучился город, а затем все его жители, молча, не сговариваясь, в один день снялись и ушли со всеми пожитками, которые можно было унести и увезти с собой, кто куда.

– А как быть с бродягами, которых войска согнали со всего западного региона? В чем они виноваты? Почему не прижились? – пришел черед моего вопроса.

– Они – невиновны, это – правда. Но есть, как есть, не я это придумал. В этом городе живет лишь один сон. Сон о том, как мучились и умирали собаки. Другие сны обходят эти места стороной.

Мы все закурили. Даже – Хорхе, который бросил курить год назад, о чем не забывал хвастаться при каждой встрече

со мной. Ниоткуда-то взялась бутылка виски и пошла по рукам. Отпил глоток и Николай. Затем наш гость (вернее, хозяин, мы – гости):

– Спасибо за угощения, – поблагодарил житель закрытого города, поднялся со скамейки, тихонько попрощался и ушел.

– А почему к тебе не приходит этот страшный сон, Николай? – крикнул ему вслед Хорхе.

– Я никогда не сплю.

– Не спишь? – удивление исказило улыбку Хорхе.

– И вы не спите. Теперь вы знаете о том, что произошло, в этом городе. Здесь к вам будет приходить этот чужой сон, – не оборачиваясь, ответил Николай.

– Но бродяги же ничего не знали о муках собак, почему они не могли спокойно спать? – не унимался Хорхе.

– Я рассказал одному из них. И узнали все, – сказал Николай и растворился в зелени. – Как вы. Сегодня.

– Послушай, Николай? – не унимался Хорхе.

– Боль здесь живет большая, нестерпимая, – то были последние слова незнакомца.

* * *

Камера Генри работала. Теперь уже я попросил виски, и все согласилось с тем, что следует повторить ритуал.

– Трудно поверить, но и грех не проверить на себе только что услышанное, – Кевин перевел для нас с Хорхе реплику

Томаса. – Если мы уже здесь и проделали такой путь сюда.

– Лучше не искушать судьбу, – попытался роптать Хорхе.

– *Debes ergo potes.* ... Двойная оплата, мистер Хорхе, вам и вашему помощнику, – пресек бунт на корабле Стив при помощи устойчивого латинского выражения, означавшего: ты обязан, значит – можешь.

– Ну, разве... ну... вы так просите... останемся. Конечно, если это нужно для науки... только ради науки, – сказал, наконец, Хорхе, заикаясь и прикрывая наукой свои невинные корыстные мотивы. – Ну. Конечно. Ну. Наука – это святое. Я вот забыл спросить Николая, где он здесь достает сигареты? Магазины-то не работают.

Я бы остался в не слишком святом городе и без всякой платы.

– У него бездонная пачка, – не знаю, было ли сказанное мной шуткой.

– Как бездонная?

– Не знаю, Хорхе.

Кевин не смог перевести наш короткий диалог с Хорхе.

Остаток дня мы кое-как провели в гостинице. Никуда не выходили, не было смысла, эксперимент состоял лишь во сне. Сытно поужинали. Молча, допили виски, молча, улеглись в спальные мешки. Заснули быстро. Ночь больно придавила город к земле.

Я не стал ждать, пока жалобное скуление и стоны двух небольших черных собачек, раздавленных автомоби-

лем на дороге, целиком заполняют пространство моего сна. Я стоял рядом на тротуаре в первой шеренге многотысячной толпы и видел все, как и рассказывал Николай. С первыми же услышанными звуками боли я невероятными усилиями воли разорвал стальные нити сна, которыми ночь зашила мои веки. И проснулся. Рядом со стеклянными, испуганными глазами уже стояли Хорхе, Стив и Генри. Закричал и проснулся Томас. Если бы не Стив, который догадался открыть окно, его бы выбило биением наших сердец, настолько сильно они стучались в наших грудях. С потными лицами мы тяжело дышали, как будто только что отмучили марафонскую дистанцию.

* * *

Первые лучи солнца оранжевыми нитками хаотично прошивали зелень окружающих деревьев.

Мы спешно покидали город.

На выезде я невольно оглянулся.

Посреди дороги стоял и улыбался Николай. Рядом с ним играли две небольшие черные собачки, мать – с высоко поднятой мордочкой и закрученным в баранку хвостиком, и лохматый комочек – дитя. Они прыгали и бегали вокруг Николая, качались по дороге и нежно прикусывали друг друга. И не было во всем мире более счастливых существ, чем они, вокруг них вращались, им завидовали все небесные све-

тила. Сегодня ночью им приснился сон, один на двоих. Это был цветной сон.

«Боль здесь живет большая, нестерпимая», – вспомнил я слова Николая и добавил. – «И счастье».

Боковым зрением я заметил, что вместе со мной назад на дорогу смотрит Стив. В зеркале его глаз отражались Николай и две собачки.

В какой-то момент собаки побежали за нашим автомобилем, и мы со Стивом помахали им рукой. Через минуту лес с двух сторон задвинул занавес и спрятал город, его сон и его тайну.

* * *

– Пойдемте с нами в кафе, выпьем по чашке кофе, – пригласили нас с Хорхе англичане по приезде в Большой город. – И рассчитаться с вами нужно.

– Четыре кофе с молоком и два – без молока. Бутылку виски и коробку шоколадных конфет, – сделал заказ Кевин. – Самых дорогих.

– Кто этот загадочный Николай, который никогда не спит? – в какой-то момент вечера спросил Томас.

– Я знал одного парня, отец которого повесился когда-то давно в этом городе, – ответил я после, не знаю какой по счету, рюмки.

– Хороший мальчик, – сказал Генри. Все согласились.

– Навуходоносор III, – добавил я.

– Четыре кофе с молоком и два – без молока – но этого нам уже не подавайте. Хватит. Кофе, говорят врачи, вредно. Принесите нам две бутылки виски и две коробки шоколадных конфет, – громко раскошелился Хорхе. – Самых дорогих, разумеется.

– А я вам скажу, друзья, что боль – это отдельная субстанция, родившись, боль никуда не исчезает, – задумался Стив.

– Как не исчезают все наши слова, – присоединился я.

– У меня тост! – крикнул Кевин. – У всех налито?

– Давай, – поднялся со стула Хорхе.

– За боль, как субстанцию!

– Ура!!!

– Четыре кофе с молоком и два – без молока – но этого нам не подавайте. Хватит. Кофе, говорят врачи, вредно. Принесите нам две бутылки виски и две коробки шоколадных конфет, – Хорхе был в ударе. – Самых дорогих, разумеется.

Кто-то не мог идти сам, кого-то мы несли. Точно не помню, может меня.

Сколько на самом деле было выпито в тот вечер и ночь, на утро не знал никто. Разумеется, в гостиничной комнате мы спали все вместе, одетые на полу, крепче младенцев после купания среди россыпи пустых бутылок.

Скоро на своих телеэкранах вы увидите сенсационный фильм ВВС под названием «Цветные сны». Объясняя необычный выбор названия для фильма, Стив сказал, что после нашего фантастического путешествия во времени и пространстве ему бы очень хотелось, чтобы все собаки во всем мире видели только цветные сны³.

* * *

---

³ Большинство людей считают, что собаки видят окружающий мир в чёрно-белых тонах и определяют очертания предметов по различному уровню яркости, а восприятие света если и есть, то очень слабое.

Алло, господин Президент или Мы его вчера продали, мадам

«Мы увидели столько, сколько смогли увидеть слепые».

Станислав Лем. Эдем.

– Мадам. Смерть вашего мужа вам не принадлежит.

– Вы нас слышите, мадам?

– Она закрыла глаза.

– Она не в себе. Она нас не слышит.

– Я хорошо вас слышу, господа. Но, похоже, вы сами себя не слышите. Смерть моего мужа действительно мне не принадлежит. Тут вы правы. Как вообще может чья-то смерть кому-либо принадлежать? Скорее всего, человек принадлежит смерти с момента появления на свет. Посмотрите, как чудесно устроена эта жизнь: рождение – это смерть. И тогда сама смерть – это рождения. Невероятно. Не правда ли?

– Ваш муж, мадам, – мертв и лежит в могиле, и в этом нет ничего удивительного. Есть смерть, или нет, кому она принадлежит, мы не будем сейчас это исследовать. И вообще, любое мудрствование о смерти в такой трагический для страны момент совершенно неуместно. Мы хотим, чтобы вы

прониклись тем, что смерть вашего мужа и нашего Президента не принадлежит даже ему самому. Смерть принадлежит государству.

– Смерть принадлежит государству. Душно. Как душно. ... Невозможно дышать. Воздух замер. ... Как в могиле. Ни малейшего дуновения ветерка. О каком государстве вы говорите, господа?

– О нашем с вами государстве, мадам, независимость которого была провозглашена тридцать лет назад, и вам это хорошо известно.

– Вам хочется шутить в такой момент, мадам?

– Это была голая декларация, согласитесь, господа. Как следствие, – голое государство, вернее, не государство вообще.

– А это – уже совсем не шутки, мадам. Как вы можете так откровенно презирать государство после стольких лет вашего пребывания на посту первой леди этого государства и так недоброжелательно называть ее основополагающий документ?

– Терпение и спокойствие, господа. Отнесемся с пониманием к убитой горем вдове, которая не понимает, о чем говорит.

– А вы помните одну детскую сказку, господа, забыла автора? О короле, которому два мошенника соткали...

– Мадам, сейчас не время для сказок.

– Время сказок давно прошло.

– Время сказок? Разве мы выбираем время для сказок? Сказки выбирают время, когда им приходиться, и нас выбирают, но не каждое детство становится сказкой, особенно в этой стране. Но, тем не менее, все сказки должны быть рассказаны, иначе их детская мудрость обернется нашей глупостью на старости лет.

– Что она несет, господа? Бред. Нас интересует завтрашний день в парламенте, а не проклятые телефонные звонки еще одной сумасшедшей. Хватит терять время.

– Сказки, господа, важнее материнского молока, их невозможно подменить ничем. Саму мать подделаешь, и уже, я слышала, подделывают, а сказку – никогда.

– Пусть говорит. В таком состоянии ей необходимо выговориться. Продолжайте, мадам. Мы вас внимательно слушаем. Говорите. Самую суть. Нас впереди ждут еще несколько важных государственных вопросов.

– Эта сказка написана для вас. Это государственная сказка.

– Хорошо, хорошо, мадам. Только будьте кратки.

– Куда короче. Два проходимца, выдав себя за ткачей, взяли соткать одному королю такую ткань, которую якобы может видеть лишь умный человек, достойный высокой должности, которую он занимает. Через некоторое время мошенники вручили заказчику «ничто», пустоту вместо ткани. Однако король и его свита притворились, что видят прекрасную ткань, ведь иначе получилось бы, что они глупы

и не справляются со своими должностями. Король гулял нагишом, а все восхищались его одеждой. Наконец, один мальш, не подозревая, в чем тут дело, увидев короля, громко захохотал и закричал: «А король-то голый!»

– Какая-то чушь!

– Спокойно, господа. Вы окончили, мадам? Вот и хорошо.

– Король, ткань, одежда, мальчик. Бессмыслица убитой горем женщины. Что тут хорошего?

– Хорошо, нехорошо, но всем нам нужно соблюдать спокойствие. Действительно, какая-то довольно непонятная сказка. Но, будем снисходительны к женщине, которая вчера похоронила мужа.

– Снисходительны? Но она издевается над нами. Вы видели, что эта дама вчера у гроба даже слезинки не уронила, а народ – выл от горя.

– Уронила, не уронила. Это их с покойником семейное дело. Нас интересует совсем другие вещи.

– Ой.

– Вам плохо, мадам?

– Тяжело дышать. Хотя бы небольшой ветерок подул. Второй день...

– Тем не менее, мы должны исчерпать этот разговор именно здесь и сейчас.

– Она себя действительно плохо чувствует. Признаем это.

– Мы все понимаем, мадам. Вы похоронили вчера мужа, а страна – Президента. Всем, а в первую очередь нам с вами,

чрезвычайно трудно и горестно. Но...

– Но именно сегодня и именно потому, что страна вчера похоронила своего президента, моего мужа, я чувствую себя хорошо, как никогда за тридцать лет со времени провозглашения, как вы говорите, независимости и государства. Вспомнила. Это сказка Ганса Христиана Андерсена «Новое платье короля»

– Как вы можете такое говорить, мадам?

– Жаль, господа, что вы отказываетесь понимать эту сказку. Она реальнее нас с вами... Хотя, почему, жаль? Bravo! Вы сегодня, а мой муж вчера – лишь подтвердили магическую реальность сказки, которую я вам только что рассказала. Но в отличие от вас мой муж нашел в себе мужество признать, что он голый, что его президентство – фикция, и одел напоследок своей жизни настоящую одежду. Пусть покоится с Богом. Ни один ребенок уже не бросит ему вслед, что он голый, потому что на нем приличный деревянный костюм гроба. Пусть хотя бы так, но вы?

– Что мы, мадам?

– Вы дальше остаетесь голыми. Вы продолжаете выдавать себя за государственных мужей после того, как разворовали и продали соседям все богатства этого народа и этого райского уголка земли. Истратили и проели все, что можно было, и не можете насытиться. Вам все еще мало. Набрали кредитов по всему миру и живете в долг. Даже кресла, на которых мы сейчас сидим, здание, где мы находимся, земля под

ней, заложены в международном банке и вам не принадлежат. Только воздух не можете продать. Ветер. И солнце.

– Тогда вы тоже голые, мадам. Следуя вашей логике, вы вместе со всеми обманывали себя в том, что эта страна является полноценным государством, и ходили голой. И вам не стыдно было тогда, когда вместе со всеми воровал и продавал ваш муж. Вам не стыдно было носить поверх голого тела корону первой леди государства и двадцать лет жить так, что вам сегодня завидуют помазанные короли, сейчас мертвые, живые и неврожденные.

– Что короли? Арабские шейхи.

– Да, господа, я – тоже голая. Эта сказка написана и для меня. Я не нашла и не нахожу в себе мужества ударить себя в живот, как это сделал мой муж. ... И деревянные одежды я жду со страхом. Увы. А вам понравился последний костюм Президента?

– Мадам. Замолчите и остерегайтесь даже думать об этом. Пусть будет вечной государственной тайной то, как ушел из этого мира наш Президент. Больше не упоминайте нигде и никогда, как Президент в своей горной резиденции на глазах у многочисленной челяди распорол себе живот мечом, подаренным ему год назад японским послом. Мы не можем показать народу такую смерть нашего Президента.

– А какую смерть моего мужа вы можете показать народу, вернее, уже показали?

– Его смерть принадлежит государству, мадам. Мы

об этом вам уже говорили. А государству нужна смерть внезапного сердечного приступа, от переутомления, от непомерного служения стране и ее гражданам. Народ и история уже получили такую смерть нашего Президента. Интересы государства требуют от вас, мадам, и всех, кто знает о действительных обстоятельствах смерти вашего мужа, забрать их с собой в могилу.

– Откройте окна, господа. Что-то не то делается в воздухе уже второй день. Кисель жары, а не воздух. И ветры уснули все или умерли вместе с Президентом.

– Все окна открыты, мадам. Ничего страшного. Вернемся к государственным делам.

– Что вам от меня нужно? Вы хотите рассказать мне свою сказку?

– Называйте это, как хотите. Завтра мы представим в парламенте краткий отчет о последних днях жизни нашего Президента. Вы тоже должны там быть. Мы понимаем, что вам тяжело. Смерть мужа, похороны и все такое.

– Кстати, мадам, почему именно такую смерть выбрал ваш муж?

– Коллеги! Сосредоточьтесь на главном. И перестаньте задавать вопросы, которые не касаются главной темы нашего сегодняшнего разговора.

– Что вы? Уход из жизни немаловажен. Тем более, Президента страны. Нам следует это знать, как можно раньше. Два слова, мадам, почему не выстрел в висок, перерезанные

вены или еще что-нибудь быстрое и менее болезненное?

– Мой муж давно восхищался мужеством императора Японии Хирохито⁴. Он, не знаю, известно ли вам, чтобы остановить массовое самоубийство своих подданных после второй мировой войны пожертвовал своей честью и взял весь позор за бесславное поражение на себя тем, что отказался сделать сеппуку. Я правильно произнесла это слово: сеппуку?

– Правильно или не правильно, мадам, какое это имеет значение? И какое отношение к нашему Президенту имеет его кумир, Хирохито, как вы говорите? Японец же не выпустил себе кишки, сохранил свою жизнь?

– Хирохито пожертвовал честью, чтобы сохранить жизнь многим и лучшим японцам, а мой муж пожертвовал своей жизнью, чтобы сохранить честь своим, здравомыслящим, согражданам. Это ритуальное самоубийство, первый и последний довод честности моего мужа, который взял на себя позор всего народа и покончил с собой как с олицетворением этого несуществующего государства.

– Достаточно, мадам. Нашему терпению тоже есть предел.

– Второй день – ни ветерка. Все замерло, и остановилось время.

– Забудьте о своем ветре. И время не остановилось. Вот тикают часы.

---

⁴ Хирохито – 124-тый император Японии (1901—1989). Данное при рождении имя означает достаток и добропорядочность.

– Часы – не время, господа.

– Господи! Ну, причем здесь время? Ах. ... Послушайте нас внимательно, мадам. Завтра наступит завтра, и утром вас доставят в парламент. Вы скажете депутатам, что ваш муж перед самой смертью подписал закон. Когда эти изголовавшиеся оппозиционеры будут совать вам под нос закон и допрашиваться, действительно ли его подписал Президент незадолго до смерти, вы подтвердите, мадам, что видели момент подписи воочию. Вы все запомнили, мадам?

– Но мой муж перед смертью не подписывал никакого закона. Я это хорошо помню. Господи! Я действительно не в себе. Что вам стоит подделать подпись, когда вы внесли тысячи поправок к десяти заповедям Божьим? Глупая я.

– Мадам, у вас четверо внуков. Этого вы, кажется, не можете забыть ни при каких обстоятельствах...

– Идя сюда, я знала, что не смогу сопротивляться. Я подтверждаю все ваши выдумки, я – тоже голая.

– Мы в этом не сомневались, мадам. Извините. Не сомневались в том, что вы, как вдова Президента, проявите государственную мудрость.

– Не смешите меня и обманывайте себя, господа. Что вам еще нужно от меня? Это все?

– Еще один небольшой вопрос, мадам.

– Давайте. Быстрее. Постарайтесь.

– Двадцать лет назад, в самом начале политической карьеры, ваш муж перед выборами в парламент принял участие

в одной двадцатиминутной передаче на местном телевидении. Тогда Центральная избирательная комиссия еще устраивала такого рода шоу за государственные средства. У нас есть запись той телевизионной передачи, но мы хотели бы услышать от вас некоторые пояснения, детали.

– Почему вас интересуют такие далекие события? Мой муж забрал все с собой, все детали.

– То, что нас интересует, он не мог забрать. А забрал – откопаем.

– Спокойно, коллеги. Мадам нормально с нами сотрудничает.

– Напомните мне, о чем идет речь. За последние двадцать лет было столько телевизионных эфиров, что, кажется, мы с мужем всю жизнь горбатились в тесной коробке телевизора.

– Расскажите о телефонном звонке, о котором двадцать лет назад упомянул в телевизионном эфире покойный Президент, тогда еще обычный гражданин, человек с улицы, как любил говорить Президент. Перед миллионной аудиторией он сказал, что сразу после регистрации для участия в парламентских выборах к нему позвонила некая молодая девушка и сказала буквально следующее: «Алло, господин Президент. Вы не должны подписывать этот закон». На что ваш муж шутливо ответил, что, как Президент, ни за что не подпишет этот закон, когда об этом его просит молодая девушка с таким волшебным голосом.

– Воздух завис на месте без движения, скоро он начнет одновременно прокисать, плесневеть и гнить. Мы все отравимся или задохнемся.

– Мадам. Не отвлекайтесь, пожалуйста.

– Было два звонка. Теперь я все очень хорошо вспомнила.

– Два, мадам. Вы правы. Второй звонок, как сказал ваш муж, прозвенел буквально за день до телевизионного эфира. Тот же голос без малейшей злобы бросил в телефонную трубку: «Господин Президент, почему вы подписали этот закон? У нас больше ничего не осталось». После этого девушка положила трубку, а ваш муж, как он об этом сообщил перед телекамерами, не успел ответить абоненту очередной шуткой. Нас интересует, мадам...

– Вас интересует, а я никогда не переставала говорить своему мужу, что он сошел с ума, решив двадцать лет назад избираться в парламент. Одного дня он сообщил мне об этом, а я вместо того, чтобы упасть поперек его пути...

– Мадам, мы все очень хорошо знаем об этом пути. О нем все написано в школьных учебниках: как он, простой адвокат из небольшого городка решил принять участие в выборах, как победил, как пять лет ходил в парламент в протертых джинсах, как пять лет подряд ездил с простыми людьми в общественном транспорте, как лично отвечал на каждый телефонный звонок. Номер его мобильного телефона знала и знает вся страна, весь мир. Это было, как говорят, изюминкой его избирательной компании, которая пленила всех из-

бирателей его округа. Затем эта изюминка пришлась по вкусу большей части страны, и эта большая часть сделала его Президентом.

– Двадцать лет назад, когда другие тратили сотни, а то и миллионы талеров на подкуп избирателей, чтобы попасть во власть, мой муж лишь постучал в каждую дверь и сказал: «Люди добрые. До сегодняшнего дня вам было легче достучаться до Бога, чем к депутату парламента или другому столичному чиновнику. Вот вам мой номер телефона. Избрав меня в парламент, позвоните по этому номеру телефона, если у вас будут какие-то проблемы, я попробую вам помочь». Все. Этот телефон теперь навсегда со мной.

– Да, мадам. Именно так. Будучи депутатом парламента, а затем Президентом нашей страны, ваш муж в течение двадцати лет пользовался лишь одним мобильным телефоном, номер которого знали все, и звонили все. И ваш муж двадцать лет при первой же возможности отвечал на все звонки. Он мог легко прервать заседание Совета национальной безопасности страны, чтобы выслушать ничтожную бытовую жалобу какой-то крестьянки. Тогда высший стратегический орган среди других государственных вопросов решал, как помочь простой женщине. Но, оставим эти воспоминания для другой встречи. Нас интересуют только те два телефонных звонка, о которых наш Президент рассказал в телевизионном эфире двадцать лет назад.

– Но вы все знаете, господа? Только что вы сами мне обо

всем рассказали, да и видеозапись телевизионной передачи у вас есть. Что я могу добавить?

– Скажите, мадам, эти телефонные звонки были в действительности, или это – еще одно гениальное изобретение в избирательной технологии вашего мужа?

– Звонки, о которых вы спрашиваете, состоялись при мне. В телефонной трубке говорили довольно громко, и я все хорошо слышала. Первым делом, я подумала, что мужу звонит какая-то любовница.

– Если бы это была любовница, мадам! Это было бы очень хорошо. Это далеко не любовница....

– Но, зачем вам эта старое выцветшее белье, господа?

– Сказать ей, или не стоит?

– Думаю, что мы можем ей сказать, господа. Ничего страшного в этом нет. При абсолютном молчании, конечно.

– Мадам. То, что вы сейчас услышите, также составляет государственную тайну, не меньшую, чем обстоятельства смерти вашего мужа. Вам не следует повторять, что этого не должен знать никто.

– Пусть. Никто. Говорите.

– Две недели назад, мадам, Служба государственной безопасности обратила внимание на один телефонный звонок, который поступил к Президенту на его мобильный телефон. Мадам, вы понимаете, что в целях безопасности Президента и защиты интересов государства мы вынуждены были отслеживать все звонки к первому лицу государства.

– Это не новость. Мой муж знал, что вся его жизнь находится под микроскопом многих спецслужб, и не только этой страны. И что это за звонок?

– С неустановленного пока телефона звонила какая-то молодая девушка. И что особенно, она сказала Президенту те же слова, о которых Президент рассказал в телевизионном эфире двадцать лет назад: «Алло, господин Президент. Вы не должны подписывать этот закон».

– И что ответил мой муж?

– Президент ответил именно то, что и двадцать лет назад.

– Не знаю, должна ли я это понимать. И как?

– Не нужно вам что-либо понимать, мадам. Мы сами во всем разберемся.

– Хотя. ... Кое-что становится понятным. Мой муж заранее ответил на второй звонок, сдержав слово. Это хорошая новость для меня.

– Как вам будет угодно, мадам.

– Угодно будет. И скажите мне, наконец, что это за закон такой, ради которого телефонный звонок пробил двадцатилетнюю толщу времени, и который якобы перед смертью подписал покойный?

– На самом деле подписал, мадам! Лично! При вас.

– Подписал. При мне.

– Закон, который позволяет правительству продать ветер.

– Ветер?...

– Вам кто-то звонит, мадам.

– Что?

– В вашей сумочке звонит телефон. Возьмите трубку....

* * *

– Алло. Господин Президент? Почему вы молчите? Молчите, а я скажу....

* * *

– Кто это звонил, мадам?

– Девушка. ... Ветер. ... Вы его продали.

– Да, мадам. Мы его вчера продали.

* * *

Весна

*«Жизнь будет прожита тем лучше, чем полнее
в ней будет отсутствовать смысл».*

Альбер Камю. Философия абсурда

Сейчас, когда я стараюсь восстановить в памяти события совсем недавнего прошлого, чувствую, что мне даже очень нелегко будет подробно и последовательно рассказать обо всем, что я видел, слышал и пережил. И с каждым днем будет еще труднее, ведь настоящее человек не видит со стороны, его будущее – за закрытой дверью, и лишь прошлое – это комната, в которой он живет вечно, вечно передвигая, крася и перекрашивая окружающий мир своим настроением.

Итак, я решил доверить бумаге эти чрезвычайные события, когда с болью стал замечать, что переживаемые мною чувства и воображение настолько безжалостно закрашивают память, что спустя несколько лет мои воспоминания о настоящих событиях, происходивших в нашем небольшом городке, будут восприниматься как невероятная рождественская сказка. Кто поверит в сказку, если сказки сейчас не рассказывают даже детям, а дети рождаются, как будто уже взрослыми. Сказки. Рассказанные, и не рассказанные – они никогда не покидали этот мир, но нерассказанные – умирают в день своего рождения, затем рождаются вновь и вновь –

в надежде быть услышанными нестареющими детьми, ибо тот, кто верит в сказки – не состарится никогда.

Если говорить о моем повествовании, то я положу вам под подушку не собственную выдумку, а совершенно реальную историю – несколько страниц городской хроники, которую тысячи здравствующих сегодня очевидцев смогут легко подтвердить, если их хорошо об этом попросить. Или не просить вообще, тогда вам по секрету расскажут обо всем еще охотнее и красочнее.

* * *

Начну с событий, произошедших в ночь на 18 декабря, накануне Дня Святого Николая.

Близилась полночь. Измученный жизнью город спал, спрятав голову под толстое снежное одеяло. Луна и звезды, равнодушные к мнимым человеческим страхам, фонарями тихо освещали путь Земле, медленно плывшей в холодном черном небе. В такие ночи никак не верится, что Земля вращается вокруг горячего Солнца. Мороз кристаллом звенел на деревьях. Не спалось. Я работал. Во входную дверь моей квартиры кто-то слегка постучал.

Помню, я не очень удивился столь позднему гостю. Открыл. На пороге стоял отец Ростислав, молодой священник одной из двух недостроенных в городе церквей. Он жил в квартире этажом выше.

– Слава Иисусу Христу, – как-то виновато поздоровался отец Ростислав, извиняясь за столь поздний визит, а еще больше стесняясь своей необычной для духовной особы одежды. Высокий, немного худощавый отец Ростислав был одет в черную теплую куртку, потертые синие джинсы (где он так протер джинсы, неужели они из магазина ношенной одежды?). В руках теребил синюю вязаную шапку.

– Слава навеки Богу. Заходите, пожалуйста, – ответил я тихо, чтобы не разбудить своих домашних.

– Извините за беспокойство. У меня к вам небольшое, но неотложное дело, – несмело входя в квартиру, почти прошептал отец Ростислав.

Мы присели на кухне. Свет я не зажигал, на плите горел газ, и его мерцающее пламя мягко заполняло комнату желтым светом. Лицо священника показалось мне каким-то обреченным и в то же время торжественным. Вокруг была тишина. Уличные фонари, словно крупные апельсины, свисали за окном, привлекая к себе игривые снежинки. Им было весело. Нам же, судя по обстоятельствам встречи, будет не до веселья.

Не спрашивая гостя, я налил нам в простые чайные чашки красного вина. Отец Ростислав, понимая бесполезность протеста в своем состоянии просителя, покорно и быстро сделал небольшой глоток и приглушенным голосом начал свой рассказ.

Говорил он минут десять-пятнадцать, но во время рас-

сказа мое воображение, словно на двух больших киноэкранах одновременно прокрутило и услышанное от священника, и собственные кадры семилетней реальной жизни, режиссер которой не указывался даже в титрах. Кто режиссер, и насколько актеры могут отойти от сценария?

Большинство жителей нашего городка сейчас не желают вспоминать об этих событиях и отворачиваются в сторону при напоминании о них, хотя в свое время прямо смотрели в лицо, а материалы об этих необычных происшествиях долго не сходили с первых страниц местных и центральных газет. Некоторые горожане узнавали себя в телевизионных новостях многих, и не только украинских каналов, чем очень гордились и с чем носились, как с золотыми яйцами. Это надо было видеть: постоянно сонные и сгорбленные под тяжестью придуманной жизни горожане вдруг распрямились и вытянули вперед грудки. Не подступишь.

* * *

Зима в этот, 1998-й год, началась довольно рано, и снег, выпавший в середине октября на, местами, зеленую листву, упрямо держался до апреля следующего года. Сейчас никто и не вспомнит точную дату того зимнего утра, когда посреди заснеженного города растаяла узенькая, примерно метр шириной, дорожка. Темной змейкой вилась она по сплошному снежному одеянию почти через весь город – от автостан-

ции на западе и дальше по прямой мимо декоративного озера и недостроенной церкви – до последнего девятиэтажного дома на восточной окраине.

В свете нового года никто бы и не обратил внимания на тоненький разрез на снежном покрове, если бы сразу же после Рождества Христова темная полоска не покрылась мягкой, зеленой травой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.